
УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

Палеолит и мезолит Восточной Европы

*Сборник статей
в честь 60-летия
Хизри Амирхановича
Амирханова*

Москва 2011

Граветтийский комплекс стоянки Борщево 5 в Костенковско-Борщевском районе на Дону*

С.Н. Лисицын**

Местоположение. Многослойная стоянка Борщево 5 расположена в большом Борщевском логу, который является самым крупным логом в системе древних балок правого берега Дона в пределах Костенковско-Борщевского палеолитического района. Стоянка Борщево 5 в настоящее время является наиболее южным памятником этого района. Ближайшими к нему памятниками, также расположенными в приустьевой части Борщевского лога, являются Борщево 2 и Борщево 6.

Памятник залегает в отложениях второй надпойменной террасы долины Дона и приурочен к склону правого борта лога (абсолютные отметки 116–125 м над ур. моря и порядка 35 м над урезом реки), на расстоянии около 1,2 км на юго-запад от Дона, при левом приустьевом мысе впадающего в основной Большой Борщевский лог лога-отвершка. Поверхность мыса плавно падает по направлению с юга на север. Стоянка локализуется в центральной плоско-возвышенной части мыса, который прислонен с юга к сглаженному эрозией уступу докольной меловой террасы. С остальных сторон памятник ограничен резкими падениями склона, маркирующими более мелкие и частично выположенные древние овражки (рис. 1).

История изучения. Подъемный материал, который позволил судить о наличии стоянки, был найден А.В. Карихом, владельцем усадьбы в с. Борщево. Раскопные работы на памятнике начались в 1998 г., когда была сделана зачистка борта дороги. Коллекция подъемного кремневого материала, собранная к этому времени А.В. Карихом, и находки в зачистке *in situ* позволили первоначально охарактеризовать стоянку как комплекс, принадлежащий граветтийской культурной традиции. Культурный слой залегал в верхней части

покровного лессовидного суглинки, ниже основания чернозема и сопровождался костями мамонта (Карих и др., 1999).

Продолжение исследований на стоянке стало возможным в 2002 г., когда была произведена разведочная шурфовка стоянки, имевшая целью уточнить площадь памятника и хроностратиграфическую позицию культурных остатков. Сверху вниз по склону подряд были поставлены шурфы, позволившие зафиксировать многослойность памятника. Три шурфа площадью 6 кв.м. каждый были заложены по линии северо-запад–юго-восток, вдоль распханного под огороды края террасовидного уступа древнего мыса. Четвертый шурф площадью 9 кв. м был заложен на сниженном северо-западном участке мыса и пятый площадью 6 кв. м — на самой высокой северо-восточной точке распространения подъемных находок. Все шурфы в 2002 г. были вписаны в единую метровую квадратную сетку, ориентированную углами по сторонам света, которая стала использоваться и в последующие годы раскопок. В ходе работ 2002 г. шурфы № 3 и № 5 удалось вскрыть на глубину полного профиля до щепенчатого основания четвертичных отложений, шурф № 1 был законсервирован на уровне основания верхнего культурного слоя, а шурфы 2 и 4 — на уровне основания второго культурного слоя. Результатом работ 2002 г. было обнаружение нижележащего (второго) культурного слоя, а также получение новых данных по стратиграфическому и геоморфологическому строению второй террасы в Большом Борщевском логу (Лисицын, 2002).

В результате полевых работ 2003 г. в раскопе площадью 28 кв. м, заложенного на среднем участке памятника, были последовательно изучены три культурных слоя, из которых третий был найден впервые. Верхний

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 09-06-00239а.

** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург.

культурный слой, залегающий под черноземом в покровном суглинке, доставил большую коллекцию кремневых орудий, преимущественно изготовленных из мелового кремня: острый, микропластнок с притупленным краем, долотовидных орудий, скребков и резцов; также впервые были представлены целые нуклеусы. Фауна представлена мамонтом, лошастью, песцом и волком. Конструктивных сооружений из костей, а также ям не обнаружено. Второй культурный слой, залегающий в верхней части первой гумусовой толщи, оказался беден каменными находками, что пока не позволило атрибутировать этот комплекс. К тому же, он оказался сильно поврежден крупной естественной деформацией — промоиной, пересекавшей раскоп по направлению с севера на юг. Кремневые артефакты второго культурного слоя, в отличие от верхнего, преимущественно сделаны из цветного кремня, но использовался и меловой. Орудия были представлены единственным скреблом на отщепе. Третий культурный слой в 2003 г. был обнаружен на площади 4 кв. м, после чего раскоп был законсервирован. Специфика этого слоя — в том, что он литологически связан с горизонтом вулканического пепла и имеет, таким образом, четкую корреляцию с имеющим аналогичное залегание культурным слоем на Костенках 14.

Наряду с раскопом в 2003 г. на памятнике был вскрыт законсервированный в 2002 г. шурф № 4 и доведен до глубины 5 м с целью получения всей колонки отложений — до щебенчатого основания четвертичной пачки. Кроме остатков верхних культурных слоев, шурф выявил еще два уровня залегания находок, в первом случае — кости мамонта в средней части нижней гумусовой толщи, во втором — единичный отщеп цветного кремня в ее основании (Лисицын, 2004).

В 2004 г. раскоп предыдущего года (Раскоп 1) был продолжен вглубь до материка, и в нем последовательно исследованы нижние: 3-й, 4-й и 5-й культурные слои, из которых 2 последних зафиксированы впервые в тех же стратиграфических позициях, что и в шурфе № 4 в 2002 г. 3-й культурный слой, залегающий *in situ* на горизонте вулканического пепла, доставил фаунистические остатки лошади, мамонта и небольшую коллекцию кремневых артефактов, к сожалению, недостаточную для определения культурной принадлежности (Лисицын, 2006). 4-й культурный слой, залегающий в перетолженном состоянии в средней части нижней гумусовой толщи, был представлен лишь

одной кремневой плиткой и несколькими костями лошади. 5-й культурный слой в раскопе 2004 г., приуроченный к основанию нижней гумусовой толщи, содержал лишь кости лошади и древесные угольки.

В 2005 г. было решено доисследовать шурф № 1, законсервированный в 2002 г. Шурф был расширен до 16 кв. м (Раскоп 2), и в нем был целиком изучен верхний культурный слой. Находки включали фаунистические остатки мамонта и лошади, а также немногочисленные кремневые изделия. В 2006 г. раскопок на памятнике не проводилось. В 2007 г. к раскопу 2005 г. был прирезан раскоп 3 размерами 5 × 5 м с целью проследить продолжение скопления костей мамонта в верхнем культурном слое раскопа 2. Однако, находки верхнего культурного слоя в раскопе оказались немногочисленными, а скопление костей закончилось у северо-западной стенки. В 2008 г. раскоп 3 был продолжен до материка, в нем были изучены в верхней гумусированной толще остатки 2 культурного слоя, представленного единичными находками, а также 3 культурный слой, связанный с вулканическим пеплом. Находки 4 и 5 культурных слоев в нем отсутствовали. Еще один раскоп (Раскоп 4) площадью 12 кв. м был прирезан к юго-западной стенке раскопа 2004 г. В нем был частично исследован и законсервирован верхний культурный слой на уровне залегания его верхнего контакта в покровном лессовидном суглинке. В 2009 г. на памятнике было продолжено изучение раскопа 4, и сделана новая прирезка 16 кв. м. Общая площадь раскопа 4, таким образом, составила 28 кв. м, на которой был доисследован верхний культурный слой, а также второй и частично третий культурный слой.

Материалы из верхнего культурного слоя, в том числе представительная коллекция кремневых орудий и дебитажа, шлифованные изделия из мягкого сланца, полученные в 2003–2009 гг. из раскопов 2, 3 и 4 на общей площади 95 кв. м дали массовый материал, который позволяет по-новому оценить культурную принадлежность и содержание данного комплекса.

Стратиграфия. Полная колонка отложений на Борщево 5 была вскрыта в шурфах № 3, № 5 в 2002 г. и № 4 в 2003 г., а также в раскопе 1 в 2004 г. (Лисицын, 2006) и в раскопе 3 в 2008 г. Строение верхней части отложений второй террасы Дона на участке, занимаемом памятником, согласно данным 2008 г., выглядят следующим образом (рис. 2, А):

- (1) 0,0–0,40 м — пахотный слой.
- (2) — 0,40–0,90 м — чернозем, светлеет к низу.
- (3) 0,90–2,40 м — суглинок лессовидный светло-коричнево-бурый, местами до рыжего, неоднородный, неравномерно щебенный меловой крошкой.
- (4) Внутри этого слоя на глубине 1–2 м прослежены два горизонта слабогумусированного бурого, иногда до сизовато-пепельного цвета суглинка — следы почвообразования. Верхняя прослойка (1а) этой сдвоенной палеопочвы мощностью 10–15 см (рис. 2, А), которая залегает аморфными блоками или линзами, отделена от нижней прослойки (1б), залегающей единым горизонтом мощностью 20–40 см, прослоем лессовидного суглинка с большим количеством меловой крошки. Горизонт почвообразования (особенно 1б) связан с уровнем залегания 1 культурного слоя и ассоциируется с гмелинской палеопочвой.
- (5) 2,40–3,10 м — суглинок гумусированный темно-серый слоистый, неоднородный, местами слабощебенный, состоящий из двух прослоек переслаивающихся линз черного гумуса, разделенных осветленной слабо мергелистой рыжеватой прослойкой — верхняя (первая костенковская) гумусированная толща — уровень залегания 2 культурного слоя (по верхнему контакту пачки).
- (6) 3,10–3,60 м — суглинок мергелистый светло-серый до белесого, однородный, тяжелый, слабощебенный, с карбонатными стяжениями.
- (7) 3,60–3,90 м — суглинок очень слабо гумусированный, палево-коричневый с сероватым оттенком, залегает горизонтом с нечеткими границами и оторванными вверх отдельными линзами, переслаивающимися с мелкими линзочками вулканического пепла. Горизонт эфемерного почвообразования — уровень залегания 3 культурного слоя.
- (8) Вулканический пепел (прослойка внутри слоя 7) — монотонно-серый до голубоватого, иногда с зеленоватым оттенком, однородный, залегает местами единым горизонтом, а местами переслаивающимися линзами, по нижнему контакту имеет трещиноватые хвосты, уходящие на 5–20 см в нижележащий слой.
- (9) 3,90–4,00 м — горизонт кляксоподобных линз (мощностью 3–11 см) гумусированного суглинка темно-серого до сажисто-черного цвета, местами с включением ярко-рыжих до кирпичного пятен сильно прокаленного суглинка — следы пожара, не содержащие следов антропогенной деятельности. Эти линзы

частично подстилаются бледно-красноватым мергелистым суглинком, плавно переходящим в нижележащий, с волнистыми щебенными светлыми прожилками (мощностью 2–3 см) и следами морозного выпучивания.

(10) 4,00–4,10 м — суглинок мергелистый, неоднородный, светло-серо-коричневатый до белесого, насыщенный мелкими карбонатами и меловой крошкой. Залегает линзами, выклинивается к северу и уходит языками в нижележащий слой.

(11) 4,10–4,25 м — суглинок мергелистый светло-коричнево-серый до белесого, неоднородный с размытыми контактами, сильно иссечен гумусированными хвостами из вышележащего слоя, линзовидный — местами выклинивается.

(12) 4,25–4,60 м — суглинок гумусированный серо-кофейный до бурого, неоднородный, включающий линзы сильной и средней гумусированности. Нижний контакт рваный с трещиноватыми хвостами и затеками. Начало нижней (второй костенковской) гумусированной толщи. В основании, на контакте с нижележащим слоем — уровень залегания 4 культурного слоя.

(13) 4,60–4,75 м — суглинок тяжелый, неоднородный, серовато-коричневый до бурого, к низу рыжевато-коричневый. Содержит тонкие прослои и линзы слабой и более сильной гумусированности, в основании слоя — отдельные линзы белесого материала.

(14) 4,75–4,80 м — суглинок сильно гумусированный, темно-серый до углисто-черного, с выраженной горизонтальной слоистостью и бесструктурными пятнами белого тлена неясного генезиса. Залегает линзами, содержит древесные угли, местами выклинивается. Уровень залегания 5 культурного слоя.

(15) 4,80–4,90 м — суглинок однородный мергелистый, рыхлый, светло-палевый до белесого и чистого белого, с творожистыми карбонатными стяжениями.

(16) 4,90–5,00 м — суглинок гумусированный выраженно-слоистый, пестроцветный (темно-коричневый, серый до серо-черного), по-видимому, оглеенный. Состоит из чередующихся и выклинивающихся по простиранию очень тонких прослоек суглинка разной степени гумусированности. Погребенная почва, основание нижней гумусированной толщи.

(17) Ниже — суглинок мергелистый однородный палево-серый до пегого, очень плотный, щебенный по всей толще, с прослоями и линзами щебня и мела (материк).

Не касаясь подробностей строения нижней части стратиграфической колонки, обратим внимание на уровень залегания верхнего культурного слоя. По предыдущей публикации (Лисицын, 2004) верхний культурный слой в раскопе 1 (2003 г.) был целиком вмещен в погребенную почву, залегающую внутри пачки покровного лессовидного суглинка, который повсеместно подстилает в Костенковско-Борщевском районе голоценовый чернозем. Согласно полным стратиграфическим аналогиям этой почвы на Костенках 1 (стоянка Полякова), Костенках 21 (Гмелинская) и Костенках 14 (Маркина Гора), а также радиометрическим датировкам по вмещенным в нее культурным слоям, в целом не выходящим за хронологические рамки 22–20 тыс. л.н., эта палеопочва ассоциирована с гмелинским почвообразованием, маркирующим в Костенках граветтийский эпизод средней поры верхнего палеолита (Аникович и др., 2008).

В последние годы раскопок на Борщеве 5 в раскопе 2 и 3 и особенно раскопе 4 внутри покровной лессовидной пачки над первой гумусированной толщей были впервые четко зафиксированы не один, а два горизонта почвообразования на уровне залегания верхнего культурного слоя, получившие обозначения 1а и 1б (рис. 2, А). Мощность верхнего горизонта составляла 10–15 см, а нижнего доходила до 40 см. Они разделялись ~30 см прослоем лессовидного суглинка, отличающегося от подстилающего и перекрывающего лесса лишь тем, что он содержал большее количество меловой крошки. Отличия двух почвенных горизонтов прослежены также и по таким особенностям, как цветность и особенности залегания. Верхний горизонт залегал отдельными линзами, содержал много меловой крошки, местами выклинивался и имел более однородную и интенсивную бурю окраску, чем нижележащий. Последний залегал сплошным неразрывным горизонтом со следами незначительного полигонального растрескивания и имел неоднородно-пятнистый серовато-бурый цвет, местами уходящий в пепельно-сизоватый оттенок. Именно такой цвет и характер заполнения отличает палеопочву на эпонимной стоянке Костенки 21.

Таким образом, уровень почвообразования в лессовидной пачке, включающей 2 горизонта, имел мощность почти 1 м (слишком много для одного культурного слоя, даже учитывая склоновую позицию раскопанного участка). Поэтому при изучении покровной пачки отложений в раскопах 2, 3 и 4 наиболее важ-

ным оказался вопрос о культурном единстве верхнего культурного слоя, его связи с обоими горизонтами почвообразования и возможности разделения на хронологически разные комплексы.

Структура верхнего культурного слоя. В раскопе 2 культурные остатки залегали на глубине 2,2–2,4 м от поверхности и следовали общему падению склона по направлению с юга на север. Выше, в основании чернозема и лессовидном суглинке были встречены лишь несколько мелких кремней, но из-за насыщенности отложений кротовинами говорить об их инсцитности не приходится. Следовательно, уровень залегания верхнего культурного слоя здесь соответствует исключительно нижнему, более мощному, горизонту почвообразования. Планиграфически никаких пятен, западин и иных структур в составе культурного слоя проследить не удалось.

Находки в раскопе 2 были представлены преимущественно костями мамонта, в меньшей степени – лошади. Кости располагались на площади раскопа неравномерно. В юго-восточном углу раскопа (квадраты X198–199/Y50–51) располагались нагроможденные друг на друга 2 челюсти молодых мамонтов (рис. 2, Б) вместе с горизонтально лежавшей лопаткой мамонта, в центре которой была пробитая сквозная дыра. С севера к этому скоплению примыкал фрагмент позвоночника мамонта в анатомической связке. Подобные сочетания мамонтовых остатков (лопатки с пробитой дырой, нагромождение челюстей и других крупных костей) обычно свойственны конструктивным элементам верхнепалеолитических жилищ, но нельзя исключить и случайное образование таких скоплений при скапывании вниз по склону. Рядом располагались кости – локтевые и другие трубчатые кости и обломки ребер мамонта, а также медиальная часть бивня без видимых следов обработки.

В восточном углу раскопа 2 (квадраты X196–197/Y50–51) был расчищен сильно денудированный череп мамонта, распавшийся на несколько крупных фрагментов, в окружении фрагментов крупных трубчатых костей. В северном углу (квадраты X196–197/Y52–53) залегало скопление разрозненных ребер и позвонков мамонта, а также таз мамонта в полувертикальной позиции. Практически пустыми оказались квадраты X196/Y53, X199/Y53 и X196/Y51. На квадратах X197/Y53 и X199/Y51 были найдены кости лошади – зубы, кости стопы и ребер вместе с мелкими фрагмен-

тами мамонтовых костей. Костяных изделий с вторичной обработкой в раскопе не найдено. Немногочисленные каменные артефакты были представлены исключительно находками дебитажа: кремневые и кварцевые отщепы, чешуйки и обломки пластинок (всего 15 экз.).

В прирезанном с юго-восточной стенке раскопа 2, с целью проследить продолжение скопления, в 2007 г. раскопе 3 культурные остатки верхнего культурного слоя *in situ* залегали на глубине 1,8–2,0 м от поверхности и аналогичным образом следовали общему падению склона по направлению юг-север. Находки также залегали в нижнем горизонте погребенной почвы. Каких-либо окрашенных пятен искусственного происхождения, западин и иных структур в составе культурного слоя проследить не удалось. Фаунистические находки были представлены костями мамонта. Кости располагались на площади раскопа неравномерно. В западном углу раскопа (квадраты X193–195/Y49–51) наблюдалась относительная их концентрация, а на остальной площади располагались лишь единичные фаунистические остатки. Упорядоченности в их расположении не прослеживалось (рис. 2, Б). Были представлены в обломках ребра, позвонки и кости конечностей мамонта, а также неопределимые обломки вне анатомической связи. Скопление костей, прослеженное в южном углу раскопа 2 в 2005 г. (в том числе пробитая лопатка и челюсти мамонта), не нашло продолжения в северной части раскопа 2007 г и фактически закончилось по линии прирезки. Относительная концентрация костей на смежных квадратах X192–193/Y50–51, включавшая 2 крупных трубчатых кости мамонта, позвонки (атлант) и несколько ребер, также не содержала каких-либо конструктивных элементов. Кроме фаунистических остатков мамонта, костей иных животных не обнаружено, за единственным исключением, — на границе квадратов X192–193/Y50 была найдена нижняя челюсть волка. В целом следует отметить очень плохую сохранность костей в раскопе 2007 г. Следы сильного выветривания отмечены на поверхности практически всех костей, что свидетельствует о том, что кости долго лежали на поверхности. Кремневые изделия на площади раскопа были представлены 10 экз., найденными в культурном слое, среди которых: сколы без обработки, долотовидное изделие на отщепе (рис. 2, В: 5) и базальная часть сломанного острия с вентральной подработкой основания (рис. 2, В: 1). Помимо кремня *in situ* несколько

орудий было найдено в черноземе и кротовинах: 2 микропластинки с притупленным краем (рис. 2, В: 2, 6), 2 обломка пластин с ретушью (рис. 2, В: 7, 8), 2 долотовидных изделия (рис. 2, В: 3, 4). Находки из кремня в культурном слое не образовывали отдельных концентраций. Они были рассредоточены по площади раскопа 3, и найдены преимущественно в западной его части вне устойчивой связи с фаунистическими находками (рис. 2, Б). Таким образом, материалы из раскопов 2 и 3 свидетельствуют, что верхний культурный слой Борщево 5 на раскопанном участке стоянки связан со вторым горизонтом почвообразования.

Раскоп 4 был прирезан к юго-западной стенке раскопа 1, в 23 м к юго-западу от раскопа 3, вверх по склону, который был незначительно выровнен при современной распашке проходящей здесь межи двух усадеб (рис. 1). На примыкающем участке раскопа 1 наблюдалась наибольшая концентрация находок в верхнем культурном слое. В раскопе 1 в 2003 г. было найдено 434 артефакта, отнесенных к верхнему культурному слою, который был целиком вмещен в погребенную почву, выглядывшую тогда единым и нерасчленимым горизонтом. Орудийный набор и стратиграфия из раскопок 2003–2004 гг. опубликованы (Лисицын 2004; 2006. С. 122). Однако то обстоятельство, что разброс находок по вертикали составлял 0,8–1 м, а также то, что уровень залегания слоя был сильно поврежден естественной деформацией (древней промоиной), позволяет теперь, по меньшей мере, усомниться в единстве комплекса из верхнего культурного слоя, полученного в раскопе 1.

О стратиграфическом строении верхней пачки отложений в раскопе 4 на данном участке стоянки, менее поврежденном и прослеженном значительно подробнее, можно судить по юго-западной стенке 2009 г. (рис. 3).

- (1) 0,0–0,25 м — пахотный слой.
- (2) 0,25–0,55 м — чернозем, светлеет к низу.
- (3) 0,55–0,65 м — суглинок лессовидный светло-коричнево-бурый, местами до рыжего, неоднородный, неравномерно ощебненный.
- (4) 0,65–0,79 м — палеопочва слабо гумусированная бледно-красновато-буроватая, залегает линзами (уровень залегания 1а культурного слоя).
- (5) 0,79–0,86 м — суглинок лессовидный светло-бурый, аналог слою 3, сильно ощебненный мелом.
- (6) 0,86–1,18 м — палеопочва слабо гумусированная сизовато-бурого до пепельного цве-

та (уровень залегания 1б культурного слоя). Местами между палеопочвой и нижележащим слоем прослеживается прослойка лессовидного суглинка, аналогичного слою 3.

(7) 1,18–1,85 м — верхняя гумусированная толща: суглинок гумусированный темно-серый слоистый, неоднородный, местами слабоощебненный, состоящий из двух прослоек переслаивающихся линз черного гумуса, разделенных осветленной рыжеватой прослойкой (в кровле пачки — уровень залегания 2 культурного слоя).

(8) 1,85–2,45 м — суглинок мергелистый светло-серый до белесого, однородный, тяжелый, слабоощебненный, с тонкой прослойкой линзовидных карбонатных стяжений в средней части.

(9) 2,45–2,55 м — суглинок очень слабо гумусированный, палево-коричневый с сероватым оттенком, залегает горизонтом с нечеткими границами и оторванными вверх отдельными линзами, переслаивающимися с мелкими линзочками подстилающего его вулканического пепла (уровень залегания 3 культурного слоя).

Артефакты в раскопе 4 в большом количестве стали встречаться уже в черноземе и в кротовинах, а с глубины 0,6 м был достигнут уровень залегания 1а культурного слоя. Находки — кости, кремневые изделия и осколки плиток кварцито-песчаника и сланца залегали хаотично, многие предметы лежали на ребре. Но в целом уровень залегания находок соответствовал общему падению склона. После углубления раскопа до 0,9–1,0 м в плане стали отмечаться пятна побурения суглинка, свидетельствующие о достижении верхнего контакта погребенной почвы. Характер залегания находок изменился: они встречены в основном в горизонтальном залегании.

На уровне верхнего контакта культурного слоя 1а (на глубине около 0,6–1 м от поверхности) скопления фаунистических остатков и каменных изделий были прослежены вдоль юго-западной и в северной части. На квадратах X220–221/Y48 была расчищена нижняя челюсть мамонтенка, а также анатомически связанные кости конечностей и челюсть песка (рис. 4). Возможно, тому же мамонтенку принадлежали лежавшие неподалеку в сочленении длинные кости конечностей на квадратах X222/Y50–51. В окружении костей бессистемно залегали немногочисленные кремневые изделия и обломки плиток красно-коричневого кварцито-песчаника. Некоторые из плиток имели поверхностные следы шлифовки,

что говорит об их использовании в качестве абразивов.

Относительно плотная концентрация находок расчищена в северной части раскопа и вдоль северо-западной стенки. Скопление мелких обломков костей (преимущественно ребер лошади и мамонта) и кремневых артефактов, вытянутое по линии запад–восток, прослежено на квадратах X219–220/Y51–52 (рис. 4). На квадратах X220–221/Y52 залегал обломок крупного бивня мамонта, который был расчищен в полувертикальной позиции. Бивень, вероятно, в древности залегал в вертикально острым концом в землю, но в результате мерзлотных и склоновых процессов был деформирован и расщеплен. Рядом с бивнем плотно залегали кремневые находки и каменные плитки в обломках, тяготея к его napольной южной стороне, что объясняется их сползанием по склону и застреванием в естественном углублении вокруг и в самом расщепленном бивне. Следов обработки на бивне не обнаружено.

Каких бы то ни было искусственных углубленных в дневную поверхность ям, которые отличались бы по своему заполнению от окружающего слоя, в культурном слое 1а прослежено не было. Единичные угольки (древесные и костные) залегали разрозненно и не образовывали скоплений. На фоне лессовидного суглинка выделялись лишь округлые очертания многочисленных кротовин и отдельные аморфные слабо-гумусированные и рыжеватокрасноватые пятна погребенной почвы, с которой связан слой 1а. Сначала эта легкая рыжеватая окрашенность была воспринята как окрашивание охрой культурного слоя, но потом стало ясно, что так проявляют себя именно отдельные линзы погребенной почвы, деформированной склоновыми процессами. Отдельные кусочки охры и гематита встречались почти на всей площади раскопа 4 и в слое 1а, и в слое 1б, но их цветность была интенсивной красно-малиновой и не влияла на вмещающие отложения.

В целом, судя по распространению культурных остатков, можно констатировать, что в раскопе 4 удалось зафиксировать локальное скопление находок 1а слоя (рис. 4). Периферийная часть этого скопления соответствует южному углу раскопа 2009 г., а более насыщенная часть уходит в северо-западную стенку. Для многих находок в этом скоплении, особенно кремневых, было отмечено полувертикальное положение в слое, что говорит о значительных склоновых смещениях и повреждениях,

вызванных деятельностью землеройных животных и/или древней эрозией. Мощность слоя 1а, судя по нивелировочным отметкам находок, составила около 15–20 см.

В восточном углу раскопа 4 была прослежена специфическая деформация — древняя промоина шириной около 1 м, вытянутая по линии север–юг, продолжение которой вниз по склону было прослежено в раскопе 1 в 2003–2004 гг., где она пересекала раскопанную площадь строго по диагонали из южного угла в северный и сильно расширялась. Выполненная промоина заполнена меловым щебнем и перемещенными с верхних участков склона отдельными археологическими находками. Промоина начиналась с уровня основания чернозема, прорезала лессовидную пачку с 1а, 1б и культурными слоями. Нечеткие границы бортов промоины в 2009 г. удалось проследить по щебнистому заполнению лишь на уровне 1б слоя, а поперечный профиль — в юго-восточной стенке раскопа. Глубина ее заполнения составила 0,9–1,1 м. Ее основание было прослежено до середины верхней гумусированной толщи включительно, чуть ниже уровня залегания 2 культурного слоя. На границе с раскопом 2002–2004 гг. в промоине залегала в окружении крупных костяных осколков крупная бедренная кость мамонта. Рядом с костью на квадрате X219/Y47 были найдены отщеп, чешуйка и угловой резец на пластине, которые гипсометрически соответствовали 1б культурному слою (рис. 6).

Находки слоя 1б были связаны с нижним горизонтом погребенной почвы, залегавшим в ~1,2 м от поверхности, который был отделен от вышележащего 1а слоя 10–20 см прослойкой лессовидного суглинка, сильно насыщенного меловой крошкой — в западной и южной частях раскопа, а в северной оба этих горизонта сливались в единую почву. Именно благодаря такой особенности, а также благодаря тому, что большая часть раскопа 1 была повреждена промоиной, разделение двух почвенных горизонтов не было прослежено в примыкавшем ниже по склону раскопе 1 в 2003 г. Горизонт погребенной почвы культурного слоя 1б залегал единым пластом, а не линзами, как в случае с 1а. Он был более гумусированным по насыщенности, а цвет варьировал от бурого до пепельно-сизого. Все находки 1б слоя концентрировались единым скоплением в северном углу раскопа (рис. 6). На остальной площади встречались лишь единичные кремневые артефакты. Состав находок принципиально не

отличался от слоя 1а, за исключением того, что здесь отсутствовали крупные кости (кроме обломков ребер мамонта). Кремневые артефакты, плитки кварцито-песчаника и фаунистические остатки бессистемно располагались в едином скоплении. Характер залегания находок в концентрациях отличался большей плотностью, по сравнению со слоем 1а, с преобладанием горизонтального, а не полувертикального положения артефактов.

Еще одним планиграфическим отличием от слоя 1б от 1а были зольно-углистые пятна, прослеженные на квадратах X220–222/Y51 и X219–220/Y52. Судя по протяженности (~1,2 × 3,5 м) зольности с юга на север — это шлейф растащенного вниз по склону кострища, которое располагалось на древней дневной поверхности и не было углублено в землю. Причем в южной части расчищенное кострище выглядело как компактные переслаивающиеся наплывы углистой массы с пятнами рыхловатого рыхлого на ощупь прокаленного суглинка мощностью 2–3 см, а в северной части ниже по склону — как отдельные оторванные пятна и зольные разводы аморфных очертаний. В заполнении прокаленной части кострища на границе квадратов X221–222/Y51 находки полностью отсутствовали, а в границах остального золистого пятна, наоборот, располагалось наиболее насыщенное скопление артефактов.

Со слоем 1б связаны отдельные наблюдения, свидетельствующие об инситуном положении находок. Так, на границе квадратов X219/Y50–51 вблизи границы с раскопом 2003–2004 гг. непосредственно в составе скопления была расчищена лежавшая горизонтально крупная пластина из бивня мамонта размерами 5 × 45 см и толщиной менее 1 см. Следов обработки на пластине не прослеживалось, но очевидно, что ее форма связана с расщеплением более крупной заготовки или бивневого нуклеуса. На квадрате X220/Y50 был найден обломок сильно поврежденной мотыжки из ребра мамонта размерами 24 × 3,5 см со скошенным под острым углом, закругленным и слегка пришлифованным рабочим концом. Мотыжка отличалась от окружающих костей заглаженностью боковых граней, а также темной (землистой) окрашенностью поверхности кости, что иногда характерно для палеолитических изделий, бывших в употреблении. На квадрате X220/Y52 были найдены 3 микропластинки с притупленным краем, залегавшие вместе, причем все в вертикальной позиции.

Похоже, что они являлись вкладышами какого-то пазового орудия с деревянной основой. После того как дерево сгнило, они ссыпались вместе.

В основании культурного слоя 1б на контакте с нижележащей гумусированной толщей находки концентрировались лишь в северном углу раскопа и были представлены кремневыми изделиями и мелкими обломками костей. Средняя мощность 1б слоя, согласно нивелировкам находок, составила 20–25 см. Таким образом, судя по распространению находок на планах слоя 1б, в раскопе 2009 г. был изучен один объект – разрушенное кострище. Можно реконструировать, что первоначально кострище было компактным (размерами менее 1 × 1 м), а по окружности от него относительно равномерно располагались культурные остатки. Впоследствии участок был подвержен эрозии, и все находки скатились на несколько метров севернее (ниже по склону), и само кострище размыло в том же направлении. В соответствии с направлением склонового смыва, продолжение этой хозяйственной площадки нужно локализовать в юго-западном и западном направлениях от раскопа 4, а значительное количество смещенных находок следует ожидать в северном и северо-западном направлениях ниже по склону.

Инвентарь. К 1а слою в раскопе 4 (раскопки 2008 и 2009 гг.) относятся 1 138 предметов из камня. Большая часть изделий выполнена на черном меловом кремне (1 077 экз.), в значительно меньшей степени представлен цветной (карбонатный и меловой) кремне (24 экз.), опока (14 экз.), кварцит (13 экз.) и сланец (3 экз.). Предметы, имеющие следы корки, немногочисленны (112 экз.), так же, как и краевые сколы (11 экз.). Поэтому, учитывая находки всего лишь 4 экз. одноплощадочных нуклеусов, в том числе 2 остаточных и 1 торцевого клиновидного, следует признать, что первичная обработка кремня производилась вне пределов стоянки. Такой же вывод был сделан и на основании коллекции 2003 г., включавшей минимум первичных сколов и лишь 4 нуклеуса, в том числе 1 крупный торцевой и 1 клиновидный (Лисицын, 2004. С. 76, 79). Каменный инвентарь 1а слоя носит выраженный пластинчатый облик. Среди всех орудий (всего 141 экз. – 12,4% от коллекции без учета отщепов и пластин с ретушью) наибольшим количеством представлены микропластинки с притупленным краем (56 экз.), среди которых выделяются изделия со скругленными (рис. 5, 1–3)

и спрямленными (рис. 5, 6–7) ретушью концами. Причем ретушь оформления концов, как правило, вентральная полукруглая и плоская. Специфичный прием вентрального ретушного усечения концов почти всех орудий на пластинах уже на стадии заготовок (рис. 5, 5) является особенной чертой данной каменной индустрии, выделяющей ее на фоне синхронных костенковских памятников. Резцы, среди которых серийно преобладают двугранные и угловые, найдены в 23 экз. (рис. 5, 25–26, 29, 33). Скребки выполнены на широких пластинчатых отщепах (10 экз.) с субпараллельными краями, кроме 2 экз., сделанных на пластине, и часто имеют ретушь по краям (рис. 5, 31–32, 27–28). Среди острий (26 экз.) выделяются несколько крупных листовидных изделий (рис. 5, 23–24, 21–22) на массивных пластинах, обработанных контурной дорсальной ретушью по всему периметру заготовки. Наиболее же характерны мелкие типично граветтийские острия с притупленной спинкой – асимметричные микрограветты (рис. 5, 8–9, 12–13) и симметричные флешетты (рис. 5, 16–17), у которых таким же образом, как и у МППК, вентральной ретушью оформлен насад. Встречены также 2 экз. павловских острий, у которых приострены вентральной ретушью оба конца и нет притупленного края (рис. 5, 10–11). Долотовидные орудия подчетыреугольных очертаний на отщепах составляют цельную серию (21 экз.). Найдена 1 проколка-сверло с вытянутым массивным жалом (рис. 5, 20). Отдельного упоминания заслуживают присутствие в коллекции характерных сколов с ножей костенковского типа (8 экз.) и двух таких атипичных ножа (НКТ) на массивных пластинах с усеченными концами и одним ретушированным лезвием (рис. 5, 34). Не исключено, что они техно-морфологически сопряжены с долотовидными изделиями, но отличаются от последних тем, что их подтесанные концы не несут следов забитости, т.к. использовались как площадки для снятия приостряющих сколов по краям (как это и бывает у типичных НКТ). Типологически важным элементом является и находка 2 обломков наконечников с боковой выемкой (НБВ) на небольших пластинках, у которых выемка, занимающая три четверти заготовки, лишь едва намечена и, по сути, мало чем отличается от притупленного края граветтийских острий (рис. 5, 21–22). Перо изделий оформлено вентральной ретушью на проксимальном конце пластины, что, наоборот, отличает их от последних, у которых острий-

ная часть расположена, как правило, на дистальном конце и не несет ретуши на брюшке. В целом же, оба этих восточнограветтских элемента (НКТ и НБВ), которые были впервые отмечены среди находок в раскопе 2008 г., не являются определяющими для инвентаря.

Были найдены также 3 шлифованных изделия. Одно из них сделано из мягкого зеленого сланца и представляет собой уплощенный четырехгранный брусок с одной поврежденной стороной. Брусок тщательно шлифован и имеет сглаженные ребра. Аналогичный брусок был найден в раскопе 2003 г. на расстоянии менее 2 м от находки 2009 г. Причем оба они, как выяснилось, представляют собой фрагменты одного изделия и апплицируются друг к другу. На плоской поверхности одной из сторон бруска есть следы интенсивного точечного пикетажа. Другое изделие из слоистого желтого сланца или плотного доломита по форме напоминает уплощенный квадрат с одним скошенным шлифовкой лезвием. У него нет выраженных граней, а все ребра также сглажены шлифовкой и частично повреждены. На наиболее выступающей стороне плоской части изделия заметны хаотичные линейные царапины. Похожее топоровидное орудие и из аналогичной породы камня, найденное в раскопе 2003 г., имело более крупные размеры и также несло на себе следы грубо-абразивной обработки по плоско-выпуклым поверхностям. Третий предмет из зеленого сланца – аморфный осколок плитки с пришлифованными гранями. Находки таких изделий из мягких пород камня со следами шлифовки характерны для круга памятников граветтского облика в Костенках (К1/І, К4, К11/І К21/ІІІ, К9).

Коллекция слоя 16 (635 экз.), включая орудия (69 экз. ~10,86% от коллекции, без учета ретушированных сколов), по составу почти полностью повторяет инвентарь слоя 1а. Сырьем служил тот же меловой (602 экз.) и цветной (15 экз.) кремний, а также использовались незначительно опока (8 экз.) и кварцит (6 экз.). Точно так же среди резцов (12 экз.) господствуют двугранные (рис. 7, 20, 24–25) и в меньшей степени угловые (рис. 7, 22–23, 26). Скребок аморфный на отщепе найден в единственном экземпляре (рис. 7, 30). Выделяются микропластинки с притупленным краем (33 экз.) со скругленными (рис. 7, 1, 3–4) и спрямленными (рис. 7, 2, 5–6) вентрально ретушированными концами. Среди острий (16 экз.) присутствуют мелкие граветты и флешетты (рис. 7, 7–8; 10, 19), а также крупные листовидные

формы, включая единственное из всех известных ранее крупное целое изделие (рис. 7, 28), выполненное на правильной пластине и ретушированное по контуру приостряющей дорсальной ретушью. Аналогичны 1а слою также долотовидные орудия (5 экз.) на отщепах (рис. 7, 39–40) и проколка (рис. 7, 27). В обломках были представлены нож костенковского типа (рис. 7: 38) и острие с притупленным краем, морфологически близкое к наконечникам с боковой выемкой (рис. 7, 14), у которого выемка практически не выражена. Сравним состав 1а и 16 слоев в раскопе 4:

АРТЕФАКТЫ	Культурный слой 1а	Культурный слой 1б
Отщепы	462 (40,50%)	147 (23,10%)
Пластины	212 (18,50%)	28 (4,40%)
Микропластины	27 (2,00%)	39 (6,10%)
Чешуйки	117 (9,93%)	252 (39,60%)
Осколки	5 (0,40%)	4 (0,60%)
Куски сырья	11 (0,90%)	2 (0,30%)
Нуклеусы	4 (0,30%)	1 (0,10%)
Резцы	23 (2,00%)	12 (1,80%)
МППК	56 (4,80%)	33 (5,20%)
Скребки	12 (1,00%)	1 (0,10%)
Скребла	1 (0,09%)	0 (0,00%)
Острия и микроострия	26 (2,00%)	16 (2,50%)
Долотовидные	21 (1,80%)	5 (0,79%)
Проколки	1 (0,09%)	1 (0,10%)
Ножи костенковского типа НКТ	2 (0,09%)	1 (0,10%)
Отщепы с ретушью	27 (2,00%)	25 (3,90%)
Пластины с ретушью	72 (6,30%)	30 (4,70%)
Микропластины с ретушью	4 (0,30%)	3 (0,40%)
Резцовые сколы	29 (4,90%)	27 (5,20%)
Краевые сколы	11 (0,90%)	3 (0,40%)
Сколы с НКТ	8 (0,70%)	1 (0,10%)
Шлифованные	3 (0,20%)	0 (0,00%)
Атипичные	4 (0,30%)	4 (0,60%)
ИТОГО	1138 (100%)	635 (100%)

Невзирая на то, что находок в 1а слое было найдено почти в два раза больше, чем в 1б, по процентному соотношению и составу находок орудийный набор обоих слоев является практически идентичным с минимальными количественными отклонениями. Фактически отличие кроется лишь в присутствии в соста-

ве 1а слоя шлифованных изделий. В орудийном наборе обоих комплексов одни и те же типы микро- и макроинвентаря, а также общие приемы их оформления (включая обязательной прием вентральной подтески многих орудий). Определенную общую культурную специфику инвентарю обоих комплексов придает наличие микрограветтов и флешеттов, крупных листовидных острий на пластинах с контурной обработкой, а также единичных ножей костенковского типа и типологически невыраженных наконечников с боковой выемкой. Таким образом, слои 1а и 1б фактически являются однокультурными.

Вопрос о хроностратиграфическом соотношении 1а и 1б слоев пока еще не может быть решен окончательно, особенно учитывая их принадлежность к единому комплексу. Четкого перерыва в залегании находок в раскопе 2009 г. по вертикали не наблюдалось, хотя и прослеживалась более плотная концентрация находок на уровне каждого из двух горизонтов почвообразования. Как уже отмечалось, в расположенных гипсометрически ниже и восточнее раскопах 2 и 3 в 2005 и 2007–2008 гг. верхний культурный слой, представленный нагромождениями крупных костей мамонта, был приурочен к наиболее мощному нижнему почвенному горизонту, а линзовидный верхний горизонт, отделенный от последнего щебнистой меловой толщей мощностью до 30 см, не содержал массовых находок. Общий облик двух горизонтов почвообразования различен. Так, если верхний горизонт имеет выраженную рыжевато-красноватую окраску и залегают переслаивающимися рваными линзами, то нижний имеет буровато-сизоватый оттенок и лежит единым непрерывным горизонтом. По итогам работ 2009 г. можно предложить два равноправных варианта интерпретации позиции находок: 1. Находки 1а и 1б слоев соответствуют двум разным культурным слоям, хронологически отделенным друг от друга эпизодом делювиального сноса обломочного материала (промежуточный слой мелового щебня и сильно ощебненного лесса). 2. Находки 1а и 1б слоев относятся к одному культурному слою, но если 1б имеет относительно инситное положение (об этом говорят кострище, горизонтальное положение и лучшая сохранность находок), то 1а является шлейфом размытого выше по склону того же самого культурного слоя, который просто наложился на нижележащий участок, благодаря чему и образовался своеобразный «слоеный пирог».

Датировка. Радиоуглеродные даты из предыдущих раскопок 2003–2004 гг. были опубликованы (Лисицын, 2004) для верхнего культурного слоя, когда он еще не расчленился на 1а и 1б. Новые датировки по результатам раскопок 2009 г. к моменту написания данной статьи еще не сделаны. Все прежние даты получены по костям:

МАТЕРИАЛ	ИНДЕКС	¹⁴ C (uncal.)
Кость (лошадь)	ЛЕ-6809	14060 ± 110
Кость (ребро мамонта)	ЛЕ-5571	17400 ± 2000
Кость (зуб мамонта)	ЛЕ-6947	20000 ± 300
Кость (ребро мамонта)	ГИН-10239	22500 ± 700

Как указывалось в прежней публикации, хроностратиграфическому положению культурных остатков верхнего культурного слоя соответствуют даты 22 и 20 тыс. л.н., что согласуется и с прежней интерпретацией верхнего культурного как единого комплекса. В связи с его разделением на 1а и 1б, вопрос о возможности выделения раннего и позднего этапа заселения может быть решен лишь после получения новых дат. Две поздние датировки 17 и 14 тыс. л.н. уже сейчас могут считаться неликвидными. В частности, радиоуглеродные определения 17400 ± 2000 (ЛЕ-5571) и 22500 ± 700 (ГИН-10239) были сделаны в разных лабораториях по обломкам одного и того же ребра мамонта, причем последняя по доверительному интервалу явно выигрывает у первой. Самая поздняя датировка 14060 ± 110 (ЛЕ-6809) единственная была получена по кости лошади, а не мамонта, причем происходящей с участка, где были сближены находки остатков лошади из верхнего и второго культурного слоев. Следовательно, она относится к нижней части лессовидной пачки отложений и никак не может быть поздневалдайской. В любом случае, хронологический разрыв 1а и 1б слоев по радиоуглеродной хронологии, скорее всего, должен быть минимален, так же, как у сближенных верхних культурных слоев, залегающих в покровной лессовой пачке на Костенках 4 и Костенках 11.

Культурная принадлежность. Граветтская атрибуция верхнего культурного слоя Борщево 5 на основании присутствия изделий с притупленным краем была дана уже в самых первых публикациях памятника (Карих и др., 1999; Лисицын, 2002). Однако место памятника среди стоянок территориально близкого

костенковского граветта, а также на фоне индустрий соседних регионов еще обсуждалось мало. Среди территориально и хронологически близких граветтийских памятников Костенок большинство не дает полных аналогий находкам из Борщево 5. В радиоуглеродных рамках 22–21 тыс л.н., определяющих «граветтийский эпизод» в Костенках, здесь выделяется несколько обособленных вариантов граветта (Аникович, 1998; Амирханов, 1998; Бессуднов, 2005; Sinitsyn, 2007; Аникович и др., 2008).

Наиболее изученным является костенково-авдеевско-зарайский вариант (восточный граветт в узком смысле), известный по комплексам на стоянках Костенки 1/I, 14/I, 13 и 18. Первичное расщепление восточно-граветтийских памятников (Girja, Bradley, 1998; Селезнев, 1998), направленное на получение дифференцированных пластинчатых заготовок — крупных «костенковских» пластин, средних пластин и миниатюрных микропластинок, предназначенных для изготовления разных типов орудий, не находит соответствия в индустрии Борщево 5, где четко отделяются таким образом друг от друга лишь пластины и микропластины. Чужеродным борщевскому выглядит и кремневый инвентарь, включающий богатейший набор форм наконечников с боковой выемкой и ножей костенковского типа. Представленные в обеих индустриях крупные листовидные острия также сильно различаются по заготовкам и вторичному оформлению. Определяющий для граветта Борщево 5 прием вентрального оформления оснований мелких притупленных острий и концов МППК в восточнограветтийских комплексах встречается нечасто, а присутствие здесь микрограветтов и флешеттов и вовсе эпизодично. Таким образом, принадлежность верхнего слоя Борщево 5 к восточному граветту можно полностью исключить.

Аносовско-гмелинский вариант костенковского граветта представлен материалами стоянок Костенки 11/II и Костенки 21/III (Иванова, 1985; Палеолит ... 1982; Аникович и др., 2008). Их категориальный набор практически полностью дублирует борщевский, включая шлифованные изделия из мягких пород камня. Однако совершенно противоположное типологическое наполнение указанных комплексов составляют ланцетовидные микроострия с дорсально ретушированным вертикальной ретушью краями и скребковидным основанием («азильские», «микрошательперроны»), МППК без обработки концов и круп-

ные аносовско-гмелинские острия на крупных пластинах со скошенным и выемчаторетушным рабочим концом. Вентральное оформление орудий здесь совершенно не практиковалось, кроме единичной формы листовидного острия из Костенок 11/II. К тому же южный комплекс Костенок 21/III содержит принципиально иной набор инвентаря ярко выраженного микролитовидного облика, включающий серию миниатюрных наконечников с боковой выемкой, ретушированных мелкой притупляющей ретушью микропластинок и длинных и узких микроострий, что позволяет говорить об его особой культурной специфике, имеющей сходство с таким же граветтоидным и, вероятно, хронологически более поздним комплексом Борщево 1 (Амирханов, 1998).

Граветт нижнего культурного слоя Александровской стоянки (Костенки 4/II) тоже отличается от Борщево 5 собственной типологической спецификой. Острия на пластинах с притупленным краем здесь имеют выемчатые или скошенные дорсальной ретушью основания (формы вытянутых ассиметричных трапеций — некоторые из них вентрально подретушированы, но только на острийном конце). Скрепки выполнены преимущественно на отщепях и очень редко имеют ретушированные края, а многочисленные долотовидные изделия имеют вид однолезвийных стамесок. Микропластины с притупленным краем выполнены, как правило, в виде прямоугольников с прямыми дорсально ретушированными концами. Здесь встречаются также совершенно особые изделия этого типа с пильчатым краем. Прием ретуширования на брышке оснований острий или МППК, распространенный в Борщево 5, для комплекса Костенок 4/II совсем не был характерен (Рогачев, 1955; Палеолит ... 1982).

Наиболее полным аналогом борщевского комплекса следует признать стоянку Бирючий Лог — Костенки 9 и культурный горизонт 1a на соседней Тельманской стоянке (Костенки 8), возможно, являющийся ее периферией (Лисицын, 2004. С. 71; Аникович и др., 2008. С. 169). Стоянка Костенки 9 еще мало изучена и пока не имеет абсолютных дат (Палеолит ... 1982. С. 109–113; Литоучанка, 1966), но приуроченность ее культурного слоя к верхам лессовидного суглинка и типологический набор представителем каменного инвентаря (свыше 2 300 предметов), находящего полные аналогии на Борщево 5, позволяет говорить об их геологической синхронности, а также одно-

культурности. У обоих комплексов полностью совпадают особенности первичного расщепления, направленного на получение тонких (но не микролитовидных) правильных пластин и микропластин с одноплощадочных призматических нуклеусов, в том числе мелких торцово-клиновидных. Среди орудий Костенок 9 преобладают МППК и мелкие граветтийские острия симметричных и ассиметричных очертаний (те же микрограветты и флешетты). Причем именно для данного микроинвентаря характерно повсеместное вентральное оформление концов, даже у их заготовок (пластинок без обработки на краях). В целом аналогичны и не составляющие единообразную группу резцы на крупных и средних пластинах, среди которых представлены угловые, ретушные и двугранные. Скребки в Костенках 9 выполнены на пластинах и на отщепках, так же часто имеют ретушированные края, как субпараллельные, так и сходящиеся к основанию. Выразительна группа крупных листовидных острий на пластинах, со сплошной краевой ретушью, а также серия проколов и долотовидных изделий на отщепках. Показательно присутствие обломков 4 сланцевых галек и 2 экз. четырехгранных стержней из того же мягкого сланца со следами обработки шлифовкой. Таким образом, за исключением ножей костенковского типа и наконечников с боковой выемкой, которые единичными и несерийными формами представлены на Борщеве 5, оба комплекса абсолютно идентичны. М.В. Аникович отмечает отдельные ориньякоидные элементы в этой в целом граветтийской по облику костенковско-борщевской индустрии. В частности, он усматривает использование «ориньякской» краевой ретуши на скребках и остриях, а среди орудий особо выделяет мелкие долотовидные изделия городцовского типа (Аникович и др., 2008. С. 169). Однако контурная обработка орудий на пластинчатых изделиях, а также наличие мелких чешуйчатых орудий, при абсолютной лакуне иных ориньякских форм (выемчатых пластин, скребков высокой формы, дюфуров и др.) едва ли может свидетельствовать о каком-то позднеориньякском наследии. Из предшествующих по времени индустрий ориньякоидного (K1/III, K8/I) и городцовского (K12/I, K14/II, K15) облика набор орудий Борщеве 5 вывести практически невозможно, даже простым объединением различных признаков, поэтому указанные черты свидетельствуют скорее о собственной (явно не местной) специфике комплекса на фоне

родственных в культурном отношении памятников граветтийского круга.

За пределами Костенковско-Борщевского района некоторые параллели материалам верхнего слоя Борщеве 5 прослеживаются в хотылевско-гагаринской индустрии, прежде всего в микроинвентаре. Каменный инвентарь стоянки Хотылево 2, которая располагается на Десне, вблизи выходов кремня, включает как изделия на очень крупных пластинах, так и довольно миниатюрный орудийный набор на микропластинках (Гаврилов, 2008). Однотипные изделиям Борщеве 5 резцы и скребки выглядят значительно массивнее, что может объясняться близостью к источникам сырья, на котором явно не экономили. Кроме того, обе категории орудий выполнены практически без исключений на пластинах, а скребки, в отличие от борщевских, почти никогда не ретушировались по краям. Не характерны для Хотылево 2 обычные в Борщеве 5 долотовидные изделия и крупные листовидные острия, зато серийно представлены (хоть и немногочисленные) ножи костенковского типа и наконечники с боковой выемкой. Последние морфологически довольно разнообразны и находят аналогии не в костенковско-авдеевских, а в гмелинских и гагаринских изделиях (Гаврилов, 2008. С. 51). В микроинвентаре, однако, есть черта, которая сближает хотылевский и борщевский комплекс, — это широкое применение вентральной ретуши для оформления концов острий и МППК. Этот прием в равной мере использовался для обработки острий, наконечников с боковой выемкой и МППК. Среди острий выделяются микрограветты, а также длинные и узкие острия типа вашон — и те и другие с вентральной плоской ретушью на насаде и остром конце. Для категории МППК, стремящихся по форме к прямоугольникам, также характерно применение подтески концов, хотя встречаются и изделия, оформленные исключительно дорсально. Среди микроформ, тем не менее, полностью отсутствуют флешетты и борщевские притупленные острия со скругленным вентральной ретушью основанием и без подтески противоположного острейного конца. Кроме того, для всей этой группы изделий в Хотылево 2 характерно частое применение встречной притупляющей ретуши, не имеющий аналогий в Борщеве 5.

Каменный инвентарь стоянки Гагарино на верхнем Дону выглядит типологически гораздо более разнообразным (Тарасов, 1979). На категориальном уровне он полностью дуб-

лирует хотылевский, но здесь есть несколько обломков крупных листовидных острий, и присутствуют в массовом количестве скребки на отщепах и на пластинах (в том числе некоторые ретушированы по краям). Наконечники с боковой выемкой миниатюрнее и сделаны на мелких пластинках, а ножи костенковского типа более многочисленны. Среди микроострий имеются граветты, но нет иных форм. Тем не менее, прием вентрального оформления концов микроорудий здесь точно так же широко применялся на микроостриях и МППК.

Согласно мнению М.В. Аниковича, Хотылево 2 и Гагарино в технико-типологическом отношении имеют западные аналогии, прежде всего с памятниками павловского варианта граветта (Аникович, 1998), однако детальной проверки этой гипотезы с технико-типологическим сопоставлением индустрий по памятникам не проводилось. Общий для павловской и хотылевско-гагаринской индустрии прием вентрального ретуширования концов микроорудий и острий, а также минимальное присутствие восточнограветтских элементов может указывать лишь на направление поиска генетических связей или объяснение их контактов (Гаврилов, 2004). Точно такая же ситуация складывается и для граветтского комплекса Борщево 5, не находящего аналогий в рамках граветтского эпизода (23–21 тыс. л.н.) среди синхронных восточноевропейских индустрий. Отличий здесь от павловского набора тоже достаточно, особенно учитывая неоднородность самого «павловьена»: павловские острия, геометрические микроорудия и пилки, — они определяют облик лишь моравских памятников (Svoboda, 2004) и на нашей территории в едином сочетании неизвестны. Датировки, полученные в последнее время для павловских комплексов: Виллендорф 2/VI-VIII, Дольни Вестонице, Павлов I и Пржедмости показали возраст 27–25 тыс. л.н. (Haesaerts et al., 1996, 2004; Joris, Weninger, 2004), — несколько древнее, чем рассматриваемое время. Таким образом, вопрос о хронологическом и генетическом соотношении наиболее поздних павловских памятников с ^{14}C датами от 25 тыс. л.н. и чуть моложе, в частности, Дольни Вестонице, Миловице и Ярошов, и стоянок виллендорфско-костенковского облика (Виллендорф 2/IX, Петршковице, Мораваны, Краков-Спадзиста), датирующихся 23–21 тыс. л.н., еще окончательно не решен (Svoboda, 2007).

Перспективным в плане типологических аналогий представляется сравнение Борще-

во 5 с хронологически наиболее поздним граветтским комплексом в павловской последовательности — стоянкой Миловице в Моравии (Milovice ... 2009). Памятник располагается в 3 км от стоянки Павлов I на склоне холма в древней балке. Первые находки были сделаны здесь в 1949 г. Б. Климой при прокладке строителями дороги. С 1986 г. М. Олива начал планомерное изучение памятника, установил многослойность поселения и вскрыл несколько участков ниже и выше по склону, изучив остатки наземного жилища и нескольких бытовых комплексов с очагами. Верхний культурный комплекс памятника был атрибутирован граветтом, а нижний — ориньяком. Верхний культурный слой залегал в лессе, непосредственно подстилающем современную почву. Из него по кости и углю была получена серия ^{14}C дат в промежутке от 25,9 до 17,5 тыс. л.н. с основной группировкой дат в пределах 22–24 тыс. л.н. (Milovice ... 2009. P. 24).

Фауна стоянки включала таких животных, как мамонт (преобладает), лошадь, бизон, северный и благородный олень, пещерный лев, россомаха, песец и заяц. Коллекция каменного инвентаря только с основных раскопанных участков (сектор G) насчитывает порядка 10 тыс. предметов. Сырьем служил местный радиоларит и в меньшей степени — приносной кремль. Техника расщепления — выраженная пластинчатая, большинство орудий выполнено на пластинчатых заготовках. Нуклеусами служили призматические одно- и двухплощадочные ядрища с выпуклым фронтом, а также мелкие торцовые формы. Скребки выполнены на сечениях пластин и отщепах. Представлены изделия как с ретушированными, так и с необработанными субпараллельными краями. Среди резцов преобладают угловые и двугранные, в меньшей степени ретушные, выполненные на пластинах. Серийно представлены долотовидные изделия на отщепах и крупные листовидные острия на пластинах, в том числе остроконечники с контурной ретушью по периметру и типичные павловские острия с вентрально ретушированным насадом и концом. Единичными формами были представлены наконечники с боковой выемкой, сделанные на мелких пластинках, у которых выемка достигает половины длины заготовки и вентрально подретушировано перо (Milovice ... 2009. P. 186), а также ножи костенковского типа, не образующие четких серий. Микроинвентарь включал в себя разнообразные микроострия, в том числе граветты, вашины и флешетты с вентральным

оформлением насада. Микропластинки с при-
тупленным краем имели либо прямые, либо
скругленные вентральной ретушью концы. До-
полняет картину находка тонкого подовально-
го диска из мергеля со сплошной шлифованной
поверхностью (Milovice ... 2009. P. 268).

Таким образом, верхний культурный слой
Миловице дает полный типологический на-
бор, характерный для Борщцево 5, и даже от-
личается от последнего большим типологи-
ческим разнообразием (в нашем памятнике,
например, нет вахонов, и найдено лишь 1 це-
лое павловское острие). Аналогии находкам в
Миловице прослеживаются и на других терри-
ториально намного более близких, но не столь
ярких памятниках, хронологически непосред-
ственно предшествующих ледниковому макси-
муму, которые И.А. Свобода считает переход-
ными от граветта к эпиграветту. Так, восточ-
нословенская стоянка Кашов имеет 2 культур-
ных слоя с идентичным Миловице набором
типов орудий (Novak, 2004). По верхнему куль-
турному слою Кашова имеется радиоуглерод-
ная дата 18600 ± 390 BP, и он относится к эпи-
граветту, а нижний с датой $20\,700 \pm 350$ BP — к
финальному граветту, причем наконечники с
боковой выемкой отсутствуют как в нижнем,
так и в верхнем слое памятника. В Сербии пе-
реходный от граветта к эпиграветту комплекс
представлен 4 культурным слоем пещерного
памятника Салитрена Печина, в котором так-
же содержится весь перечисленный набор ти-
пов инвентаря, в том числе 1 мелкий наконеч-
ник с боковой выемкой, занимающей треть
заготовки (Mihailović D., Mihailović B., 2007).
По И.А. Свободе, появление таких ранних эпи-
граветтийских памятников отражает процесс
приспособления носителей поздних гравет-
тийских традиций к начинавшемуся 20 тыс.

л.н. пиковому похолоданию в Центральной
Европе, которое в Западной Европе спровоци-
ровало распространение бадегульена, а в Вос-
точной Европе — липской культуры (Svoboda,
2007). Для всех этих индустрий было характер-
но уменьшение размеров пластин, которые
скалывали с призматических одноплощадоч-
ных и торцово-клиновидных нуклеусов, мик-
ролитизация самих орудий, распространение
микрограветтов и флешеттов и постепенное
исчезновение граветтийского наследия в ви-
де наконечников с боковой выемкой и ножей
костенковского типа. Согласно же мнению М.
Оливы, появление в Центральной Европе па-
мятников этого круга связано с влиянием сре-
диземноморского эпиграветта и переориента-
цией местных охотников с мамонта на добычу
копытных животных (Milovice ... 2009. P. 276).

Каким бы не было происхождение ком-
плексов типа Миловице, появление индуст-
рии верхнего слоя Борщцево 5 и Костенок 9 на
Дону, — на таком значительном удалении от
родственных памятников в Центральной Ев-
ропе, демонстрирует миграционную модель,
которая уже была опробована в виллендорф-
ско-костенковском варианте. Причем вектор-
ные процессы распространения в широтном
направлении разнокультурных граветтийских
индустрий, судя по радиоуглеродным датам,
проходили, или одновременно, или последо-
вательно, но с минимальным хронологиче-
ским разрывом. Дальнейшая судьба граветтий-
ского населения в бассейне Дона, так же, как
и в Центральной Европе, была тесно связана
с валдайским ледниковым максимумом 18 тыс.
л.н., на которое приходится разрушение пре-
емственности культурного развития между па-
мятниками средней и поздней поры верхнего
палеолита.

Литература

- Амирханов Х.А., 1998. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Вос-
точной Европы // Восточный Граветт. М. С. 15–34.
Аникович М.В., 1998. Днепро-Донецкая историко-культурная область охотников на мамон-
тов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М. С. 35–66.
Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И., 2008. Палеолит Костенковско-Борщевского рай-
она в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.
Бессуднов А.А., 2005. Разновидности граветта в Костенковско-Борщевском верхнепалеолити-
ческом районе // Альманах молодых археологов. СПб. С. 11–21.
Гаврилов К.Н., 2004. Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылев-
ской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М.

- Гаврилов К.Н.*, 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М.
- Иванова М.А.*, 1985. Структура Гмелинского палеолитического поселения: автореф дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Карих А.В., Праслов Н.Д., Синицын А.А.*, 1999. Открытие новой верхнепалеолитической стоянки в Костенковско-Борщевском районе на Дону // Археологические вести. СПб. Вып. 6. С. 71–75.
- Лисицын С.Н.*, 2002. Многослойная стоянка Борщево 5 в контексте геоморфологии Костенковско-Борщевского района // Верхний палеолит – верхний плейстоцен. Динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб. С. 77–82.
- Лисицын С.Н.*, 2004. Хроностратиграфия и археология стоянки Борщево 5 по данным раскопок 2002–2003 гг. // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж. С. 66–79.
- Лисицын С.Н.*, 2006. Третий культурный слой стоянки Борщево 5, связанный с горизонтом вулканического пепла // Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: (материалы Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костенках). СПб. С. 114–124. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН; вып. 4).
- Литоучанка Л.М.*, 1966. Палеолітична стаянка Біручы Лог (Касценкі IX) // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. № 3.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону, 1879–1979 / редакторы Праслов Н.Д., Рогачев А.Н., 1982. Л.
- Рогачев А.Н.*, 1955. Костенки IV – поселение древнекаменного века на Дону // МИА. М.; Л. № 45.
- Селезнев А.Б.*, 1998. Технология расщепления кремня на стоянке Хотылево 2 // Восточный Граветт. М. С. 214–225.
- Тарасов Л.М.*, 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолита Европы. Л.
- Giria Y., Bradley B.*, 1998. Blade technology at Kostenki 1/1, Avdeevo and Zaraysk // Восточный Граветт. М. С. 191–213.
- Haesaerts P., Borziak I., Chirica V., Damblon F., Koulakovska L.*, 2004. Cadre stratigraphique et chronologique du Gravettien en Europe Centrale // The Gravettian along the Danube. Brno. P. 33–56. (The Dolní Věstonice Studies; 11).
- Haesaerts P., Damblon F., Bachner M., Trnka G.*, 1996. Revised stratigraphy and chronology of the Willendorf II sequence, Lower Austria // Archaeologia Austriaca. 80. P. 25–42.
- Joris O., Weninger B.*, 2004. Coping with the cold: On the climatic context of the Moravian Mid Upper Palaeolithic // The Gravettian along the Danube. Brno. P. 57–70. (The Dolní Věstonice Studies; 11).
- Mihailović D., Mihailović B.*, 2007. Considérations sur le Gravettien et l'Épigravettien ancien des Balkans de l'ouest // Paléo. No 19. P. 115–130.
- Milovice: site of the mammoth people below the Pavlov hills / Ed. Oliva M., 2009. Brno.
- Novak M.*, 2004. Gravettian occupation in the lower layer of Kašov I // The Gravettian along the Danube. Brno. P. 217–242. (The Dolní Věstonice Studies; 11).
- Sinitsyn A.A.*, 2007. Variabilite du Gravettien de Kostienki (bassin moyen du Don) et des territoires associes // Paléo. No 19. P. 181–202.
- Svoboda J.A.*, 2004. Afterwords: The Pavlovian as a part of the Graveltian mosaic. // The Gravettian along the Danube. Brno. P. 283–297. (The Dolní Věstonice Studies; 11).
- Svoboda J.A.*, 2007. The Gravettian on the Middle Danube // Paléo. No 19. P. 203–220.

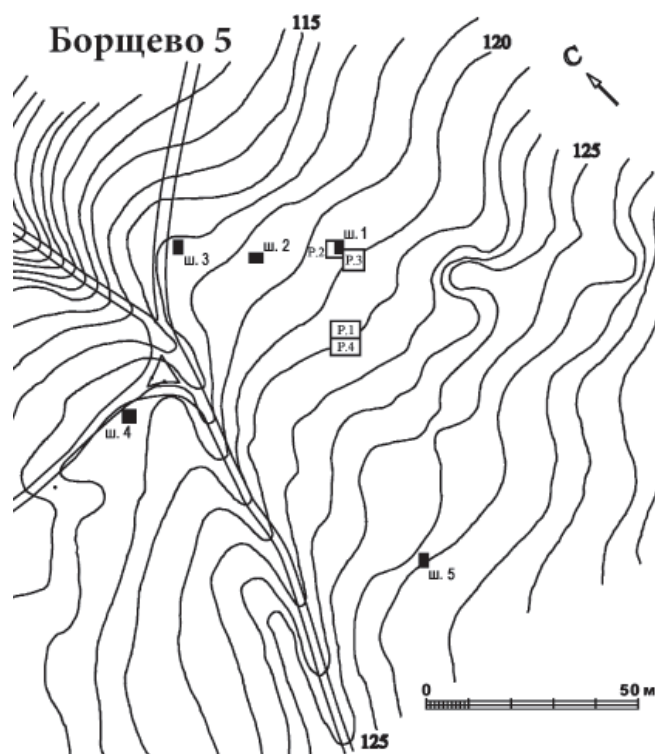

Рис. 1. Топография стоянки Борщево 5 и расположение шурфов (ш.) и раскопов (P.) 2002–2009 гг.

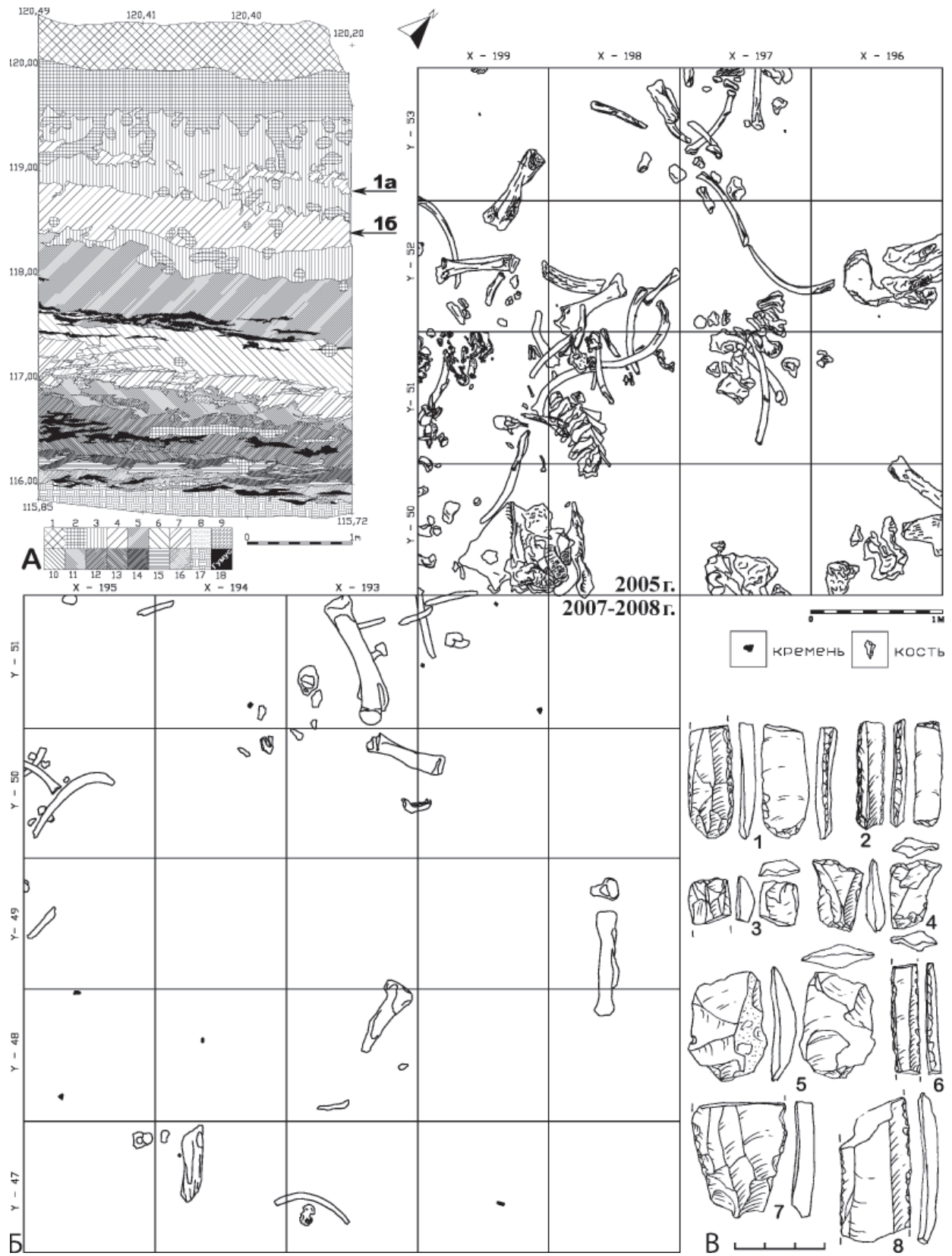

Рис. 2. Борщево 5, раскопы 2 и 3. А: Стратиграфия северо-западной стенки в раскопе 3 (2008 г.); Б: План находок в раскопах 2 и 3; В: Каменный инвентарь из раскопа 3

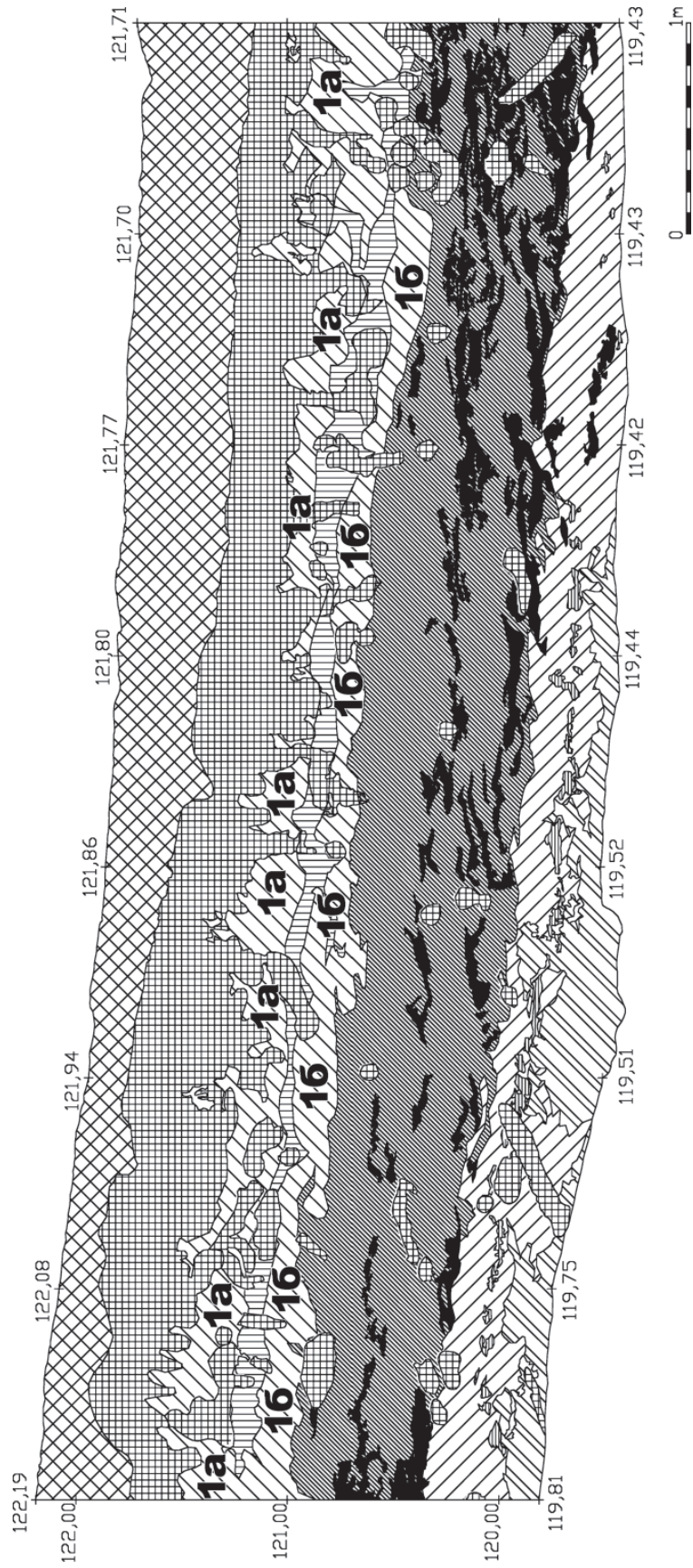

Рис. 3. Борщеве 5. Стратиграфия юго-западной стенки раскопа 4 (2009 г.)

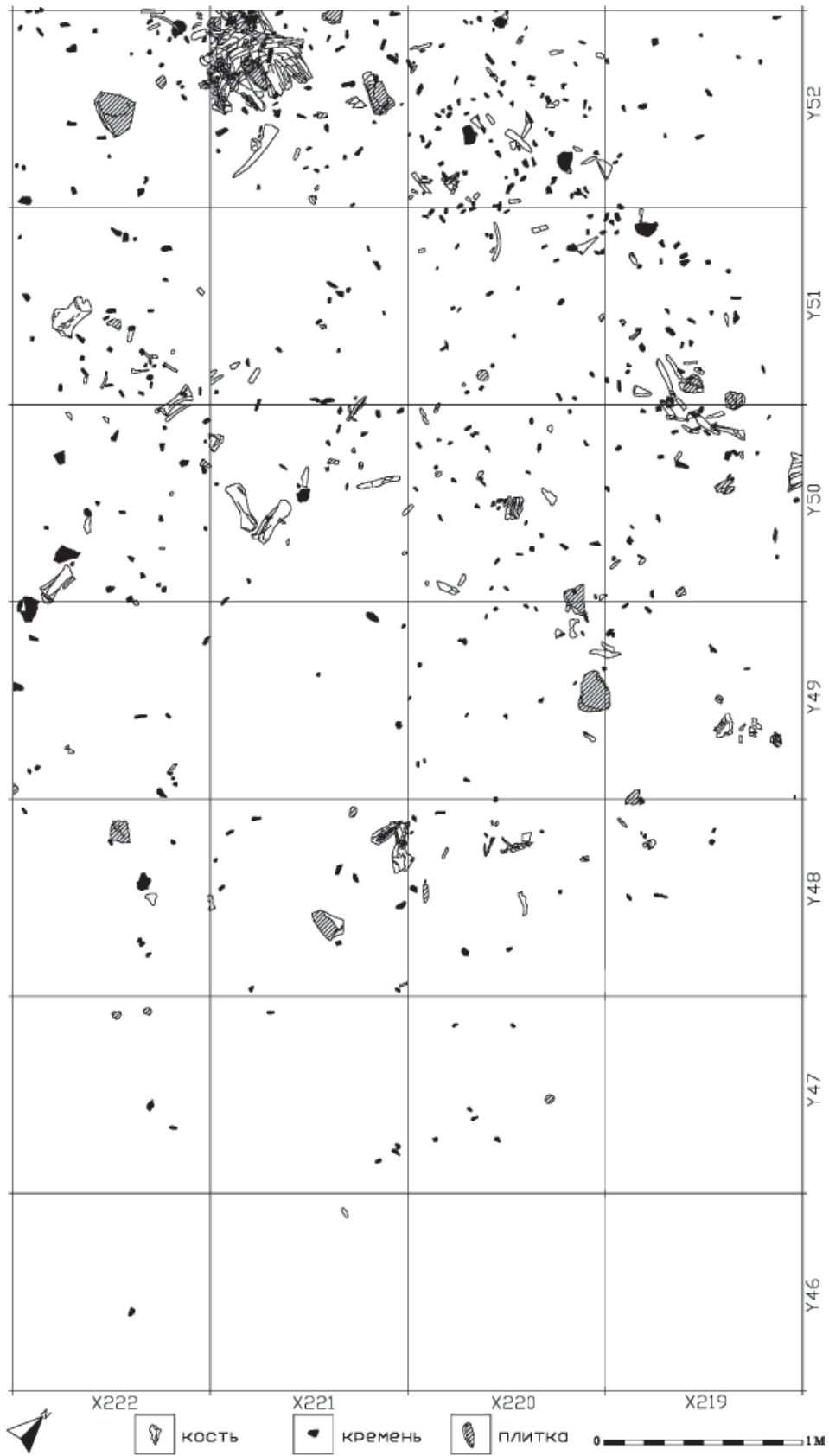

Рис. 4. Борщево 5. План находок Ia слоя в раскопе 4 (2008–2009 гг.)

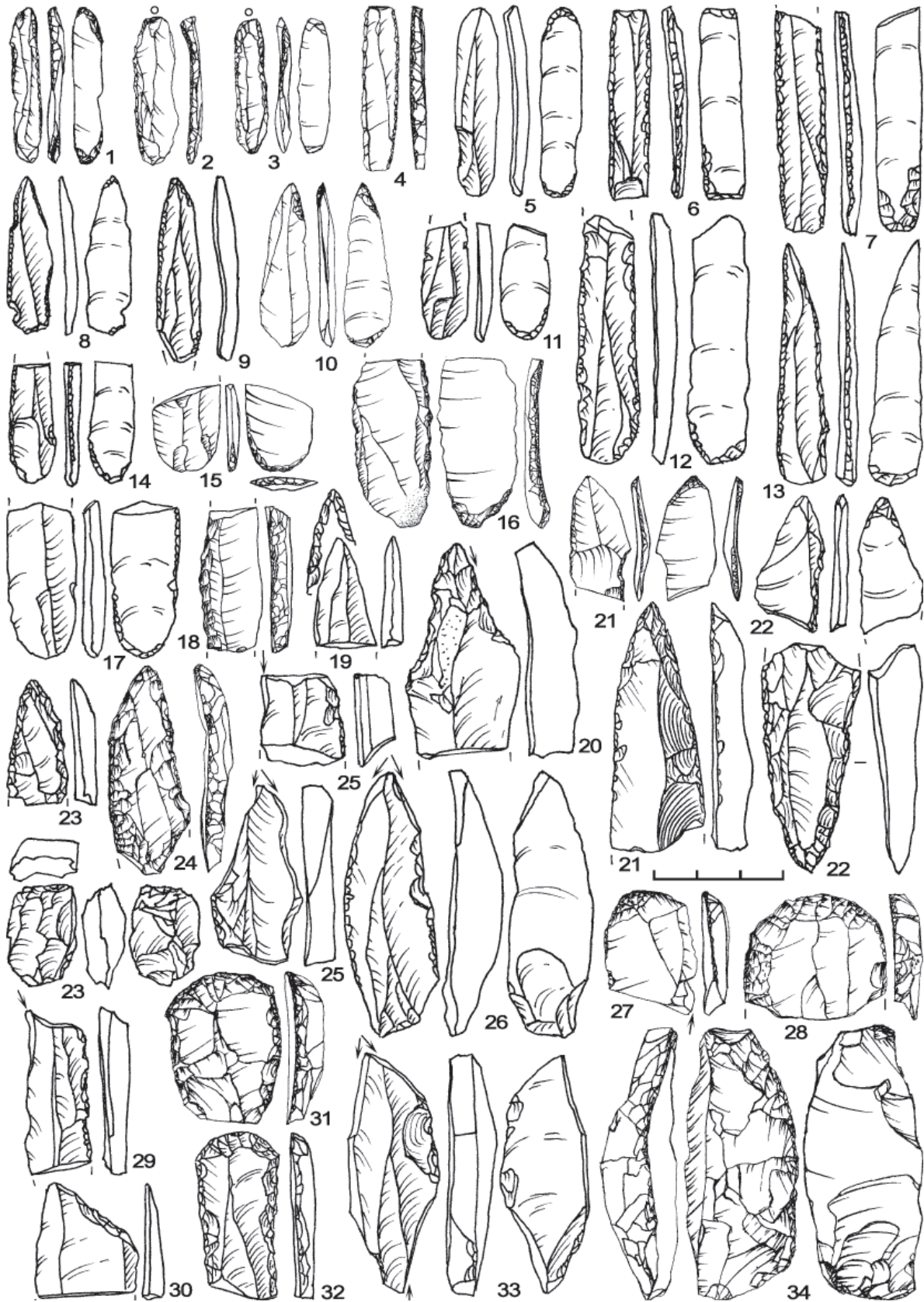

Рис. 5. Борщеве 5. Каменный инвентарь слоя Ia

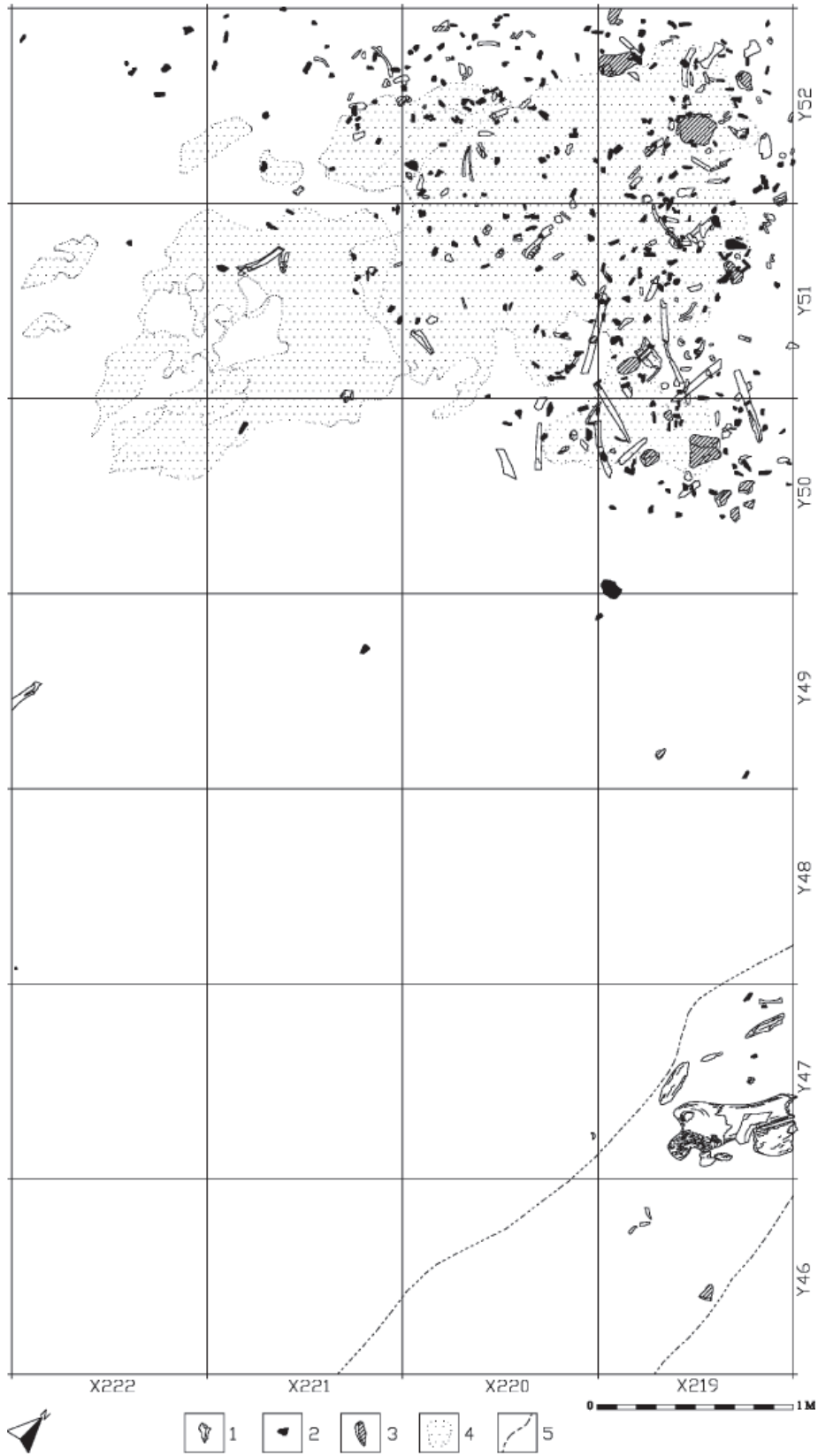

Рис. 6. Борщево 5. План находок 16 слоя в раскопе 4 (2009 г.): 1 – кости; 2 – кремль; 3 – плитки; 4 – зольность; 5 – границы деформации

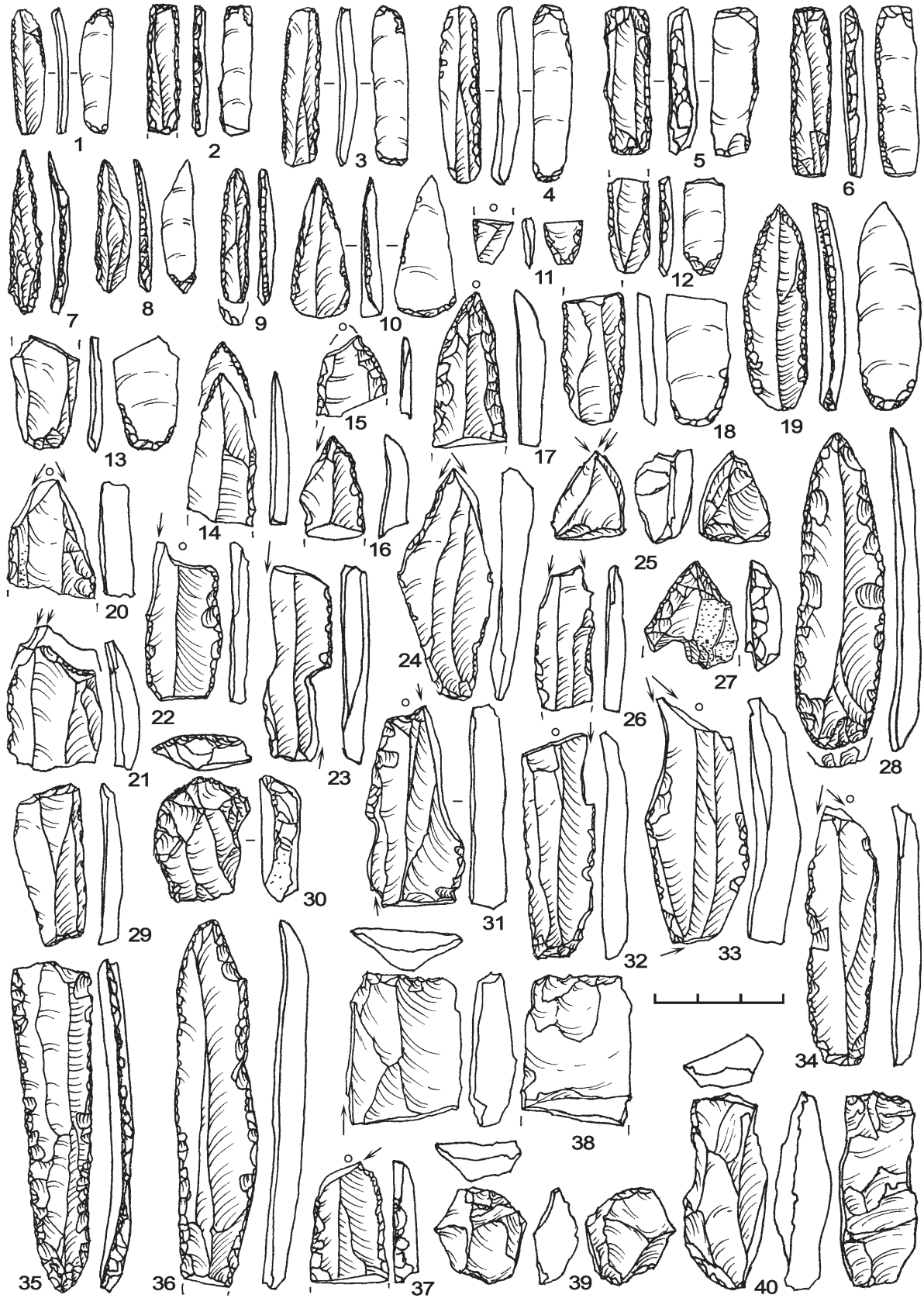

Рис. 7. Борщевое 5. Каменный инвентарь слоя 16